

ПАСТЫРСКАЯ ПОМОЩЬ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ (ОКОНЧАНИЕ*)

ИГУМЕН ЕВМЕНИЙ

ГРУППА ПАРАНОИКОВ

Сразу заметим, что параноик – это не всегда психически больной человек. Самым характерным свойством параноиков является их склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых они потом и оказываются; эти идеи заполняют психику параноика и оказывают доминирующее влияние на все его поведение. Самой важной такой сверхценной идеей параноика обычно является мысль об особом значении его собственной личности. Соответственно этому, основными чертами психики людей с параноидным характером являются очень большой эгоизм, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Это люди крайне узкие и односторонние: вся окружающая действительность имеет для них значение и интерес лишь постольку, поскольку она касается их личности; все, что не имеет близкого, интимного отношения к его «я», кажется параноику мало заслуживающим внимания, мало интересным. Всех людей, с которыми ему приходится входить в соприкосновение, он оценивает исключительно по тому отношению, которое они обнаруживают к его деятельности, к его словам; он не прощает ни равнодушия, ни несогласия. Кто не согласен с параноиком, кто думает не так, как он, тот в лучшем случае – просто глупый человек, а в худшем – его личный враг.

Параноика не занимают ни наука, ни искусство, ни политика, ни жизнь церковная, если он сам не принимает ближайшего участия в разработке соответствующих вопросов, если он сам не является деятелем в этих областях; и наоборот, как бы малозначителен не был тот или иной

* Начало см. в МПЖ, 1997, № 4.

вопрос, раз им занят параноик, это уже важно настолько, что должно получить всеобщее признание.

Особую трудность представляют верующие люди, страдающие параноидальным бредом на религиозные темы. Как правило, их характеризует одна из черт: или это человек, болезненно боящийся преследований, отравления, колдовства, порчи, которая якобы наводится на него, либо это человек, получающий непосредственно «свыше» откровения в виде видений или голосов, о которых он говорит спокойно и уверенно, но до тех пор, пока слушатель не усомнится в его словах. Здесь мы имеем дело уже с демоническими воздействиями, с прелестью, из которой человека нужно попытаться вывести очень мягко, не противореча ему сразу и категорично, не призывая его тотчас покаяться в принятии этих демонических видений, – к покаянию в этом состоянии они не способны. Главное при таких заявлениях – не расторгнуть нити доверия между больным и пастырем (разумеется, при этом не соглашаться на то, что «видение было от Бога»), уходя от прямого ответа, бережно охраняя пуповину доверия. Такие пасомые в словах священника, даже сказанных на проповеди, находят намек на себя, но не с желанием исправить, а с желанием причинить боль. Доверие пастырю постоянно оказывается под угрозой. Псевдоидеи, высказываемые в категорической форме, превращаются в убеждения больного, против которых становятся бессильны любые доводы.

Что же касается эмоциональной жизни параноика, то необходимо сказать, что это человек односторонних, но сильных аффектов. Не только мышление, но и все поступки и действия больного определяются огромным аффективным напряжением, окружающим его комплексы и сверхценные идеи, в центре которых непременно находится не само дело, но личность параноика. Односторонность больного ставит его в состояние отчуждения и враждебности по отношению к окружающим. Крайний эгоизм и самомнение не оставляют места в его сознании для чувств симпатии, для доброго отношения к людям. Церковная жизнь вынуждает больного к прощению, примирению с ближними, хотя бы перед причащением, однако это примирение носит внешний, формальный характер, трагедия душевного разрыва с близкими, с духовником просто чужда их сознанию.

Люди, в том числе и духовник, являются просто средствами для достижения поставленных целей. Активность побуждает их к бесцеремонному отношению к окружающим, которыми они пользуются как средством для достижения своих целей; сопротивление, несогласие, на которые они иногда наталкиваются, вызывают у них и без того присутствующее им по самой натуре чувство недоверия, обидчивости, подозрительности. Они неуживчивы и агрессивны: обороняясь, они всегда переходят в нападение, и отражая воображаемые ими обиды, сами, в свою очередь, наносят окружающим гораздо более крупные; таким образом, параноики

всегда выходят обидчиками, сами выдавая себя за обиженных. Всякий, кто входит с параноиком в столкновение, кто позволит себе поступать не так, как он хочет этого и требует, становится его врагом.

Другой причиной враждебных отношений является факт непризнания со стороны окружающих дарований и превосходств параноика. В каждой мелочи, в каждом поступке он видит оскорбление его личности, нарушение его прав. Таким образом, очень скоро у него оказывается большое количество «врагов», иногда действительных, а большей частью только воображаемых. Проф. Д.Е.Мелехов считает, что все подозрения параноика мотивированы его собственными желаниями, которые он проектирует на других людей. Например, одержимый желанием убийства параноик, как правило, не может себе признаться в этом – он проектирует это свое желание на окружающих, которых в этом подозревает, и т.п. Все это делает параноика, по существу, несчастным человеком, не имеющим интимно близких друзей, терпящим в жизни одни разочарования. Видя причину своих несчастий в тех или других окружающих личностях, параноик считает необходимым, считает долгом своим мстить; он злопамятен, не прощает, не забывает ни одной мелочи.

Нельзя позавидовать человеку, которого обстоятельства вовлекают в борьбу с параноиком, этого рода психопаты отличаются способностью к чрезвычайному и длительному волевому напряжению, они упрямы, настойчивы и сосредоточены в своей деятельности; если параноик приходит к какому-нибудь решению, то он ни перед чем не останавливается для того, чтобы привести его в исполнение; подчас жестокость принятого решения не смущает его, на него не действуют ни просьба его ближних, ни даже угрозы власть имущих. Да к тому же, будучи убежденным в своей правоте, параноик никогда и не спрашивает советов, не поддается убеждению и не слушает возражений.

В борьбе за свои воображаемые права параноик часто проявляет большую находчивость: очень умело отыскивает он себе сторонников, убеждает всех в своей правоте, бескорыстности, справедливости и иной раз, даже вопреки здравому смыслу, выходит победителем в явно безнадежной для него ситуации именно благодаря своему упорству и мелочности. Но и потерпев поражение, он не отчаивается и не унывает, не сознает, что он неправ, наоборот, из неудач он черпает силы для дальнейшей борьбы. Совершенно излишне добавить к сему, насколько тяжело работать с такими пасомыми пастырю. И, не дай Бог, относительно правильности точки зрения подобного больного встретятся те или иные «подтверждения», «доказательства» или «тайные признаки» (разумеется, кажущиеся только ему) в Священном Писании или у Святых отцов. Спорить или дискутировать здесь совершенно бессмысленно, всякое покушение на его мнение становится одновременно покушением на его веру, религиозность параноика окончательно блокирует доступ к его душе со стороны даже опытного духовника.

В качестве практического совета в общении с таковыми можно настоятельно рекомендовать не вслушиваться в слова и рассуждения этих больных при общении с ними. С одной стороны, духовник обязан вслушиваться в голос и водительство Божие при общении со своими духовными чадами и со всяким человеком, которого Промысел Божий направил именно к этому духовнику. Однако вслушиваться в параноидальный бред не только бессмысленно (рассуждения параноика – это причудливое смешение демонических внушений и собственно его психического повреждения, голос Божия водительства тут вовсе не слышен), но и небезопасно – пытаясь распутать этот клубок, пастырь сам запутывается в демонических хитросплетениях рассуждений больного. Нужно помнить, что после погубления в бездне душевной болезни собственно больного, следующей задачей сил демонических является втягивание в эту клоаку всех, кто так или иначе желает ему помочь (не исключая и духовника), избирая для этого совершенно неправильный путь: попытаться выслушать, понять больного для того, чтобы что-то ему объяснить «на языке его понятий». Вирус душевной болезни – вещь заразительнейшая во всех отношениях. Совершенно незаметно любой психически неустойчивый человек начинает мыслить, думать блоками параноика... Проф. Д.Е.Мелехов считает, что духовнику «предпочтительнее всего с самого начала показать страдающему бредом человеку свою позицию: «Я верю, что все, о чем вы говорите, – правда, но лично я не вижу этому доказательств». Очень важно соблюдать в такой беседе один тактический принцип: не вступать в спор с больным относительно его бреда. Он должен осознать, что духовник нейтрален и заслуживает доверия, а вовсе не настроен против него. Нельзя забывать, что больной ищет того единственного человека в мире, которому он мог бы довериться. Священник, если он хочет действительно помочь ему, должен стремиться стать этим единственным человеком. Именно эта цель и определяет роль пастыря в духовном окормлении душевнобольного».

Особо опасны параноики, в которых до или в процессе болезни были заложены слишком категоричные религиозные понятия, ориентированные на максимальные требования к священнику или жизни церковной. Именно такие «юродивые» считают себя вправе «обличать» священнослужителей, порой даже не считаясь с благочинием богослужения. Опасность их именно в том, что, имея определенный напор и довольно правильно состыковывая несколько логических блоков в единое целое, они обладают удивительным влиянием на окружающих их робких или психически неустойчивых прихожан. Избавиться от них трудно, влияние их на общую церковную или монастырскую жизнь крайне разрушительно. Что же делать пастырю, в приходе которого появился такой больной? Прятаться, избегать их – это не выход из положения. Необходимо выйти на доброе общение, выслушать (конечно, только внешне, не пытаясь вникнуть в рассказ) больного, проявить крайнюю степень хриstopодражательной

любви, и главное, относиться к «обличителям» как к больным детям, а не как к злонамеренным личным врагам.

Священнику следует тщательно обдумать свои возражения в беседе с параноиком, в противном случае одно неосторожное слово может вызвать озлобление и гнев больного. Духовник должен быть готов к подозрительности и недоверию. Стремление священника избежать его общества или принятие им антагонистической позиции лишь утвердит параноика в его подозрениях и ожиданиях «коварного обмана». Пастырь должен терпеливо и стойко переносить эти проявления недоверия (особенно в начале знакомства), мнительности, возмущения, злословия и даже клевету, помня, что они исходят от больного. Очень важно в общении с таким больным прихожанином выбрать сразу правильную дистанцию: не слишком приближать его к себе, но и не отталкивать. Необходим нейтральный, мягкий подход, позволяющий священнику держаться от больного на некотором расстоянии, дабы не дать ему повода для подозрений, что ему уделяют чрезмерное внимание лишь для того, чтобы унижить, отвергнуть и покинуть его в последний момент.

Как общее правило: в сложных случаях, могущих смутить совесть пастыря, он должен помнить, что соучастие и доброе отношение всегда лучше, чем излишняя строгость, ибо перед священником стоит человек с больной волей или больным рассудком, требующий участия, помощи и лечения.

Надо добавить, что пока параноик не пришел в стадию открытой вражды с окружающими, он может быть очень полезным работником, на избранном им узком поприще деятельности он будет работать со свойственным ему упорством, систематичностью, аккуратностью и педантизмом, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями и интересами.

Фанатики. Этим психиатрическим термином, характерным для обычной речи, обозначаются люди, с исключительной страстью посвящающие всю свою жизнь служению одному делу, одной идее, служению, совершенно не оставляющему в их личности места ни для каких других интересов. Неужели под эту категорию душевнобольных попадают люди, глубоко преданные Евангелию? Здесь необходимо оговориться: Православие как образ внутренней жизни человека чуждо фанатизма, в нем просто нет для него места. Православное устройство души гармонично, «Православие – это здоровье», как выразился один мудрый духовник. Но среди православных людей могут встретиться именно фанатики, т.е. люди, заиклившись лишь на одном высказывании, одном направлении, одной заповеди Божией, забывшие, что заповедь Божия «широка зело», или не понявшие, что необходимо принятие учения Христова во всей его полноте. Примером такого «заикливания» лишь на одном может быть даже вершина добродетели – молитва.

Но как определить, действительно человек пребывает в молитве, или вошел в ту область фанатизма, из которой его желательнее побыстрее вытащить, иначе дело может принять самый непредвиденный оборот? Прекрасный ответ на это вопрос дает преп. Иоанн Лествичник: «Если ты стоишь на молитве, а брат твой постучался для того, чтобы попросить тебя о чем-либо, то оставь молитву и послужи брату, потому что молитва – это твоя частная добродетель, а оказать любовь несравненно выше, в ней – полнота совершенства». Этот принцип может быть лакмусовой бумажкой и ко многим другим ситуациям. Человек – существо социальное. Мы созданы Богом для со-бытия в любви. Если какая-либо увлеченность (в том числе и отдельными религиозными вопросами) ставится выше этого, это носит уже характер фанатизма. И хорошо, если с фанатизмом мы встречаемся исключительно как с недоразумением на уровне теоретически неправильно понятых религиозных истин. Гораздо труднее, если фанатизм начал проявляться как психическая поврежденность. Замечено, что первое предшествует последнему.

Фанатики, как и параноики, – люди «сверхценных идей», крайне односторонние и субъективные. Отличает их от параноиков то, что они обыкновенно не выдвигают так, как последние, на передний план свою личность, а более или менее бескорыстно подчиняют свою деятельность тем или другим идеям общего характера. Центр тяжести их интересов лежит не в самих идеях, а в претворении их в жизнь – результат того, что деятельность интеллекта чаще всего отступает у них на второй план по сравнению с волей, движимой глубоким, неистощимым аффектом...

Аффекты фанатиков так же, как их идеи, не отличаются богатством. Это люди не только одной идеи, но и одной страсти. Будучи большей частью лишенными грубой корысти и такого неприкрытого и всепоглощающего эгоизма, какой свойственен параноикам, фанатики, однако, редко оказываются способными проявлять душевную теплоту по отношению к конкретным людям. В силу этого их воля и направленность их деятельности может быть скорректирована мудрым пастырем, со стороны которого необходим кропотливый подход к этим людям, ищущим в религиозной жизни более самореализации, чем служения.

Нужно сказать, что здоровая, благодатная обстановка жизни церковной может дезавуировать нездоровую устремленность фанатиков, направить ее в нужное русло. Однако для этого необходимо постоянное внимание со стороны пастыря к таким пасомым. Нужно словами, беседами, отношением, самой жизнью показать им, что сохранить полноту, открытость человеческих отношений в церковной общине и вне ее гораздо важнее, чем исполнить огромное количество внешних принципов и предписаний жизни церковной, «уставной», если при этом будет утрачен дух любви и братского понимания.

Фанатизм, проявляемый во внецерковной среде, чрезвычайно опасен. Главная сила фанатиков заключается и их несокрушимой воле, которая

помогает им без колебания осуществлять то, что они считают нужным. К голосу убеждения они глухи, вся их страстная, но несложная аффективность находится целиком на службе их убежденности, а сопротивление и преследования только закаляют их. В личных отношениях они, чаще всего, или безразлично холодны, или требовательно строги. Человеческое горе их не трогает, и бездушная жестокость нередко составляет их свойство. Железная воля и делает фанатиков опасными для общества.

Психиатрам приходится встречаться с ними главным образом как с вождями новых религиозных течений и сект. Нередко под их руководством совершались изуверские дела и чудовищные преступления: самоистязания, пытки, мучительства, убийства. Жизненный путь фанатика определяется его внутренним существом; это человек борьбы, редко обходящийся без столкновений с действительностью. Отсутствие у него гибкости и приспособляемости легко приводит его к конфликту с законом и общественным порядком.

ГРУППА ЭПИЛЕПТОИДОВ

Их самыми характерными свойствами является, во-первых, крайняя раздражительность, доходящая до приступов неудержимой ярости, во-вторых, приступы расстройств настроения (с характером тоски, страха, гнева) и, в-третьих, определенно выраженные так называемые моральные дефекты (антисоциальные установки). Обычно это люди очень активные, односторонние, напряженно-деятельные, страстные, любители сильных ощущений, очень настойчивые и даже упрямые. Их жизненная установка имеет несколько неприятный, окрашенный плохо скрываемой злобностью оттенок, на общем фоне которого от времени до времени, иной раз по ничтожному поводу, развиваются бурные вспышки неудержимого гнева, ведущие к опасным насильственным действиям. Они очень нетерпеливы, крайне нетерпимы к мнению окружающих и совершенно не выносят противоречий. Если к этому прибавить большое себялюбие и эгоизм, чрезвычайную требовательность и нежелание считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме своих собственных, то станет понятно, что поводов для столкновений с окружающими у epileптоидов всегда много. Даже тогда, когда их нет вовсе, им ничего не стоит их выдумать только для того, чтобы разрядить неудержимо накапливающее у них временами чувство беспредметного раздражения. Они подозрительны, обидчивы, мелочно придирчивы. Все они готовы критиковать, всюду видят непорядки, исправления которых им обязательно надо добиться.

В семейной жизни эти больные обыкновенно несносные тираны, устраивающие скандалы из-за опоздавшего на несколько минут обеда, подгоревшего кушанья, плохой отметки у сына или дочери, позднего их возвращения домой, сделанной женой без спроса покупки и т.д. Постоянно делают они домашним всевозможные замечания, мельчайшую

провинность возводят в крупную вину и ни одного проступка не оставляют без наказания. Они всегда требуют покорности и подчинения себе и, наоборот, сами не выносят совершенно повелительного тона у других, пренебрежительного к себе отношения, замечаний и выговора. С детства непослушные, они часто всю жизнь проводят в борьбе с кажущимся им ограничением их самостоятельности, борьбе, которая им кажется борьбой за справедливость. Их неуживчивость доходит до того, что многие из них принуждены всю жизнь проводить в скитаниях, с одной стороны, благодаря их страсти во все вмешиваться, а с другой – и больше всего – из-за абсолютной неспособности сколько-нибудь продолжительное время сохранять мирные отношения с сослуживцами, с начальством, с соседями.

Отметим особо их склонность к эпизодически развивающимся расстройствам настроения, расстройствам, могущим возникать как спонтанно, как бы без всякой причины, так и реактивно – под влиянием тех или других неприятных переживаний. То, что отличает подобные расстройства от депрессивных состояний всякого другого рода, это почти постоянная наличность в них трех основных компонентов: злобности, тоски и страха. Подобные расстройства настроения могут продолжаться недолго, но могут и затягиваться на день или даже на несколько дней, и именно на эти-то дни и падают наиболее бурные и безрассудные вспышки в их поведении.

Несмотря на всю свою необузданность, эпилептоиды всегда остаются людьми очень узкими, односторонними и неспособными хотя бы на мгновение отрешиться от своих эгоистических интересов, полностью определяющих их в общем всегда очень напряженную деятельность. Чувство симпатии и сострадания, способность вчувствоваться в чужие переживания им недоступны. Отсутствие этих чувств в соединении с крайним эгоизмом делает их морально неполноценными и способными на действия, далеко выходящие не только за рамки приемлемого в нормальных условиях общежития, но и за границы, определяемые уголовным законом. Особенно часто они сталкиваются с последним из-за склонности к насильственным актам, попадая под суд по обвинению в убийстве или нанесении тяжелых ран. Более невинное значение имеет их склонность к скандалам, особенно часто проявляемая ими под влиянием алкоголя, который, как правило, они обыкновенно плохо переносят, давая довольно часто вспышки так называемого патологического опьянения.

Эпилептоиды, как достаточно ясно из предыдущего, люди инстинктов и примитивных влечений. Страстные и неудержимые, они ни в чем не знают меры: ни в безумной храбрости, ни в актах жестокости, ни в проявлениях блудных страстей.

Эпилептики. Все разновидности врожденной эпилепсии характеризуются наследственно передающейся склонностью к судорожным припадкам и их психическим эквивалентам, нередко в сочетании с особым

складом характера у больных. Различают простую и сложную, «психическую» эпилепсию.

Простая форма эпилепсии проявляется в однотипных, сравнительно редких судорожных припадках, имеет относительно благоприятное течение и не сопровождается грубыми изменениями личности и явлениями слабоумия. Встречающиеся патологические черты характера больных эпилепсией в психиатрии определяются как «эпилептоидные», а в более тяжелых случаях – как «эпилептический характер». Различают несколько его вариантов:

а) возбудимые, агрессивные люди сильных, непреодолимых влечений, безудержных вспышек гнева и страсти, приступов злобного, агрессивного поведения. После таких вспышек больной может раскаиваться, просить прощения, сознавать безнравственность своих поступков, давать обещания исправиться. Верующий человек может искать помощи в этой трудной борьбе в молитве, что нередко создает репутацию неискренности и ханжества, так как приступы гнева и агрессивного поведения повторяются. Отсюда старое определение эпилептика как «человека с молитвой на устах и с камнем за пазухой»;

б) астенизированные, утомленные или тугоподвижные, медлительные, с преобладанием не агрессивных, а защитных реакций, вязких аффектов, инертности мыслей, У одних преобладает чувство долга и сочувствия к людям, «гиперсоциального» поведения, у других – практичность, бережливость, скупость, хозяйственность (тип «крепкого хозяина» или «скупого рыцаря»);

в) больные, склонные к тяжелым расстройствам настроения, наступающим без внешних причин приступам мрачной, злобной тоскливости, ворчливости, недовольства, продолжающимся от нескольких часов до нескольких дней. Такие приступы могут сопровождаться неудержимым влечением к алкоголю или передвижению, что создает картину запойного пьянства и периодического бродяжничества.

Обязанности пастыря по отношению к этим больным следующие: во-первых, помочь им правильно отнестись к своей болезни, освободить их от страха перед припадками, побудить к активному лечению современными антисудорожными и другими необходимыми лекарственными препаратами; содействовать квалифицированному обследованию, чтобы выявить, не является ли причиной припадков перенесенное ранее соматическое заболевание (менингит, опухоль, травмы мозга, требующие специального лечения); во-вторых, необходимо помочь больным критически осознать аномалии своего характера и мышления и способствовать борьбе с их патологическими проявлениями.

Сложная форма эпилепсии, кроме припадков, проявляется в психических эквивалентах («заменителях» припадков), приступах помрачения или полного выключения сознания с галлюцинациями, бредом, злобным аффектом, безудержной агрессией и опасностью для

окружающих или, наоборот, в состоянии экстаза, «озарения», также с галлюцинаторными переживаниями. Такие помрачения сознания могут быть краткими и протекать в виде «отключения» от окружающей обстановки, «отсутствия», с неясным бормотанием, причмокиванием или другими бессмысленными «автоматизированными» движениями (бег, вращение и т.п.).

Психические эквиваленты могут наступать в качестве предвестников больших судорожных припадков или следовать за припадками. Сложная форма эпилепсии может быстро приводить к изменениям личности со снижением интеллекта и нарушением правильного поведения в обществе. Описанные ранее патологические типы характеров выступают здесь в более грубой форме, в сложных сочетаниях противоположных качеств: грубость, гневливость, агрессивность сочетаются с угодничеством, слащавостью, льстивостью и другими защитными способами поведения. Вязкость, медлительность, тугоподвижность, «гиперсоциальность» со вспышками гнева, безудержных влечений, жестокости и т.д. Наконец, «просветление», экстаз, подъем настроения могут сочетаться с мрачной, злобной тоскливостью и упадком.

Неожиданное наступление тяжелых припадков, сотрясающих больного, повергающих его в судорогах на землю, вызывающих впечатление какого-то постороннего, «чужого для личности» воздействия, давало основание расценивать эти приступы как результат вмешательства злой силы, одержимости бесами.

«Роль духовника особенно важна для больных эпилепсией в периоды между припадками, когда они сознают мучительные противоречия полярных состояний озарения и дикого гнева, просветления и помрачения сознания, – пишет проф. Д.Е.Мелехов. – Острее, чем при других заболеваниях, верующий больной воспринимает мир как арену борьбы дьявола с Богом, а сердца людей – как поле битвы добра и зла. Пастырь должен помочь человеку достичь покаяния, правильного отношения к своему греху и к бессмертному человеческому достоинству, которое подвергается столь драматическим испытаниям».

Депрессия толкает больного в бездну безнадежности, уныния и отчаяния; он перестает верить в возможность искупления своих грехов, враг подсказывает ему мысль о самоубийстве. Раскрывая больному болезненное, «природное» происхождение этих мыслей, духовник помогает врачу вооружать больного на борьбу с этими мыслями и намерениями, раскрывать их духовный характер. Необходимо неустанно напоминать о том, что верующий человек не может подчиниться унынию и тем более самовольно лишиться себя жизни. Приятие и терпеливое несение креста в недели и месяцы депрессии, если она не поддается фармакологическому воздействию, восстановление критического отношения к проявлению болезни – первый симптом психического и духовного выздоровления.

В традиционной терминологии православного Пастырского богословия и Аскетике различают две степени одержимости по их духовно-душевной структуре: 1. бесноватость (посессия) – полная связанность души демоном, когда человек теряет всякое самосознание; личность его совершенно пленена злой силой; 2. одержимость (обессия) – частичная плененность злой силой души человеческой или тела: человек сохраняет полное самосознание, возможность нравственной оценки своих поступков, но не имеет силы справиться с «влекущей его силой».

Уговорить одержимого, а тем более бесноватого, нельзя, ему надо помочь.

С медицинской точки зрения разграничиваются две формы эпилептических припадков и нарушения психической деятельности: 1) приступы с полной потерей самосознания и полным последующим забвением (амнезией) всего происходившего с больным и совершенного им; 2) приступы с частичным помрачением или сужением сознания, но с сохранением самосознания личности и воспоминания о происшедшем при невозможности справиться со своими аффектами, влечениями и побуждениями.

При длительных периодах сумеречного состояния возможны колебания ясности сознания, смена периодов сохранности воспоминаний и отнесения переживаний к личности больного и периодов кратковременного помрачения или сужения сознания (колеблющееся, мерцающее сознание).

Все поступки больных во время приступов первого типа, даже самые тяжелые преступления, определяются судебной психиатрией как поступки, совершенные в состоянии невменяемости. Больные освобождаются судом от ответственности за совершенные деяния, но выносятся решение о необходимости их стационарного лечения. В случаях тяжелых преступлений (убийства, насилия) назначается принудительное лечение в условиях строгой изоляции и надзора.

Если эти больные, узнав от окружающих или от врачей о совершенных ими преступлениях против юридических законов и нравственных норм, приходят в недоумение и ужас, сознавая всю тяжесть своего антисоциального поведения, сожалеют о нем, то это служит признаком сохранности личности больного, способности критического отношения к болезни и гарантией того, что больной будет впредь выполнять все медицинские назначения и смирится с необходимостью стационарного лечения.

Если больной – верующий христианин, сознающий не только социальную и моральную, но и духовную ответственность за свои действия, то он принесет покаяние за свои поступки, совершенные даже в бессознательном состоянии. Это будет выражением и доказательством правильной, самокритичной оценки своего поведения и понимания того, что из сердца человеческого (а значит, и из области подсознательного)

исходят злые помыслы, оскверняющие человека даже в состоянии сна и беспамятства. Когда поведение верующего человека определяется биологическими, психофизическими, «природными» процессами, но присутствует сознание духовной ответственности за свои поступки, совершенные даже и при помрачении, священник не может отказаться принять его покаяние и отпустить грех (если нужно, то с наложением епитимий). Это откроет больному путь к правильной самооценке и восстановлению его человеческого достоинства, смягчит состояние ужаса и депрессии от сознания совершенного им.

Отсутствие такого рода сознания является свидетельством либо далеко зашедшего эпилептического слабоумия, либо врожденного морального уродства, патологии нравственного сознания и совести, что должно учитываться и врачом, и духовником в процессе как психотерапевтической, так и душепопечительной работы с больным. По поводу эпилепсии достаточно метко выразился один современный психиатр: «Эпилепсия – это не болезнь, а проявление чего-то». Знакомство со святоотеческим опытом самопознания приоткрывает завесу непостижимого с точки зрения нерелигиозной науки.

Необходимость воспитания правильного критического отношения, а также социальной и моральной оценки своего поведения и аномалий характера в полной мере относится к приступам второго типа, протекающим без помрачения сознания и с сохранением воспоминаний о произошедшем. Поскольку эти приступы проходят на фоне ясного самосознания, с сохранением чувства «я» и остаются в памяти больного, они входят в общую сумму отрицательного и положительного личного опыта и, конечно, подлежат нравственной и духовной оценке.

ГРУППА ИСТЕРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРОВ

Истерические нарушения – явление, довольно распространенное в пастырской практике. Истерия легче всего находит точки соприкосновения с проявлениями религиозными. Затруднения духовника в работе с истериками заключаются в том, что эта болезнь может легко скрываться под довольно доброкачественными формами религиозной жизни. Женщины подвержены ей в большей степени, чем мужчины.

Главными особенностями психики истеричных являются: стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих и отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и к самому себе (искажение реальных соотношений), другими словами, стремление казаться больше, чем это на самом деле есть. Архимандрит Киприан дополняет эти признаки следующими: легкая переменчивость настроений и довольно резкие переходы от одной крайности к другой; жалобы на то, что «жизнь надоела» с угрозами самоубийства, а также «умственная анархия».

Во внешнем облике большинства представителей группы, объединяемой этими свойствами, особенно обращают на себя внимание нарочитость поведения, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами. В благоприятной обстановке, если ему представится соответствующая роль, истерик может и на самом деле «отличиться»: он может произносить блестящие, зажигающие речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собой толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убежден, что им любят и восторгаются. Горе истерической личности в том, что у нее обыкновенно не хватает глубины и содержания для того, чтобы на более или менее продолжительное время привлечь к себе достаточное число поклонников. Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их неспособна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленных лавров и восхищения со стороны окружающих. Они безмерно любят то, что вскоре без оснований начинают ненавидеть. Часто это субъекты, не достигшие еще, несмотря на пожилой возраст, действительно духовной зрелости...

При первом знакомстве многие истерики кажутся обворожительными: они могут быть мягки и вкрадчивы, капризная изменчивость их образа мыслей и настроения производит впечатление подкупающей детски-простодушной непосредственности, а отсутствие у них прочных убеждений обуславливает легкую их уступчивость в вопросах принципиальных. Обыкновенно только постепенно вскрываются их отрицательные черты, и прежде всего неестественность и фальшивость. Каждый поступок, каждый жест, каждое движение рассчитаны на зрителя, на эффект; дома, в своей семье, они держат себя иначе, чем при посторонних; всякий раз, как меняется окружающая обстановка, меняется их нравственный и умственный облик. Они непременно хотят быть оригинальными, и так как это редко удается им в области положительной, творческой деятельности, то они хватаются за любое средство, подвертывающееся под руку, будь то даже возможность привлечь к себе внимание необычными явлениями какой-нибудь болезни... Боясь быть опереженными кем-нибудь в задуманном ими эффекте, истеричные обычно завистливы и ревнивы. Если в какой-нибудь области истерику приходится столкнуться с соперником, то он не пропустит самого ничтожного повода, чтобы унижить последнего и показать ему свое превосходство. Своих ошибок истерики не сознают никогда; если что и происходит не так, как было нужно им, то всегда не по их вине. Поэтому иногда они чувствуют себя изгоями, болезненно мнительны, вечно «непоняты». Истерик любит играть роль, вся его жизнь сводится к игровому, подражательному, театральному моменту. Склонность к «игровому поведению», перевоплощению, частая смена личин объясняется,

во-первых, отсутствием внутреннего положительного стержня личности и, во-вторых (как следствие), повышенной восприимчивостью, способностью поддаваться под чужое влияние.

Чего они не выносят, так это равнодушия или пренебрежения – им они всегда предпочтут неприязнь и даже ненависть. По отношению к тем, кто возбудил их неудовольствие, они злопамятны и мстительны. Будучи неистощимы и неразборчивы в средствах, они лучше всего чувствуют себя в атмосфере скандалов, сплетен и дразг. В общем, они ищут легкой привольной жизни, и если иногда проявляют упорство, то только для того, чтобы обратить на себя внимание.

Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путем воспитания и развертывания действительно имеющихся у нее способностей, толкает ее на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения. В религиозной сфере истерик легко переходит от ханжества к полному равнодушию. Для них характерна не синусоида, а скачки настроений. Такие пасомые с легкостью без видимой причины оставляют монастыри, меняют духовников при малейшем неудовольствии ими, тотчас оставляют всякое проявление церковной жизни, если вдруг утрачивают новизну ощущений в ней. Им свойственны то клятвы в «вечной любви» по отношению к проявившим свое внимание и интерес к ним, то угрозы, шантаж, выдвижение каких-то условий. Новый толчок, новый «допинг» эмоционального проявления (перевод на послушание в алтарь, монашеский постриг, повышение общественного статуса в приходской жизни) на какое-то время держит больного на месте, когда же наступает время кропотливого, деятельного, внешне неэффективного труда, он отходит от возложенной ответственности, даже не задумываясь о том, что может этим кого-либо подвести.

Особенно следует подчеркнуть инфантильное строение эмоциональной жизни истериков, которая является причиной не только крайней поверхностности их эмоций, но и часто недостаточной их выносливости по отношению к травматическим переживаниям. Надо только отметить, что и в области реакции на психические травмы нарочитое и выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения.

В балансе психической жизни людей с истерическим характером внешние впечатления, – разумея это слово в самом широком смысле, – играют очень большую, быть может, первенствующую роль: человек с истерическим складом психики не углублен в свои внутренние переживания (как это делает хотя бы психастеник), он ни на одну минуту не забывает происходящего кругом, но его реакция на окружающее является крайне своеобразной и прежде всего избирательной. В то время,

как одни вещи воспринимаются чрезвычайно отчетливо, чрезвычайно тонко и остро, кроме того, фиксируются даже надолго в сознании в виде очень ярких образов и представлений, другие совершенно игнорируются, не оставляя решительно никакого следа в психике и позднее совершенно не вспоминаются. Внешний, реальный мир для человека с истерической психикой приобретает своеобразные, причудливые очертания; объективный критерий для него утрачен, и это часто дает повод окружающим обвинять истеричного в лучшем случае во лжи и притворстве. Границы, которые устанавливаются для человека с нормальной психикой пространством, с одной стороны, и временем – с другой, не существуют для истеричного; он не связан ими. То, что было вчера и нынче, может казаться ему бывшим десять лет назад, и наоборот. И не только относительно внешнего мира неправильно осведомлен истеричный; точно так же осведомлен он относительно всех тех процессов, которые происходят в его собственном организме, в его собственной психике. В то время как одни из его переживаний ускользают от него самого, другие, напротив, оцениваются чрезвычайно тонко. Благодаря яркости одних образов и представлений и бледности других человек с истерическим складом психики сплошь и рядом не делает разницы или, вернее говоря, не в состоянии сделать таковой между фантазией и действительностью, между виденным и только что пришедшим ему в голову, между имевшим место наяву и виденным во сне; некоторые мысленные образы настолько ярки, что превращаются в ощущения, другие же, напротив, только с большим трудом возникают в сознании.

Лица с истерическим характером, так сказать, эмансипируются от фактов. Крайне тонко и остро воспринимая одно, истерик оказывается совершенно нечувствительным к другому; добрый, мягкий, даже любящий в одном случае, он обнаруживает полнейшее равнодушие, крайний эгоизм, а иногда и жестокость – в другом; гордый и высокомерный, он подчас готов на всевозможные унижения; неуступчивый, упрямый вплоть до негативизма, он становится в иных случаях согласным на все, послушным, готовым подчиниться чему угодно; бессильный и слабый, он проявляет энергию, настойчивость, выносливость в том случае, когда это потребуют от него законы, господствующие в его психике. Эти законы все же существуют, хотя мы их и не знаем, хотя проявления психики истеричных так разнообразны и калейдоскопичны, что было бы правильнее думать не о закономерности явлений, а о полной анархии.

Некоторые физические признаки могут также свидетельствовать о наличии истерической психопатии в человеке. Сюда относятся жалобы на ощущение «гвоздя в голове», «шарика в горле», нечувствительность к болевым ощущениям, и наоборот, сверхчувствительность к таковым.

Возможность пастырской помощи больным истерической психопатией расценивается в медицине и пастырском душепопечении по-

разному. Легкие случаи, особенно связанные с периодом созревания, врачи оценивают оптимистически. С течением времени и под наблюдением врачей истерия может пройти или сгладиться. В более сложных формах болезнь трудно поддается лечению. Настоящие жертвы этой болезни не годятся ни для брачной, ни для монашеской жизни. Эти несчастные люди обрекают на постоянные страдания своих близких. Но если монашескому постригу предшествует период искуса, послушничества, то перед браком такой период отсутствует.

Архимандрит Киприан справедливо считает, что в попечении об истерике пастырю необходимо усвоить ряд принципов. Меньше всего рекомендуется говорить о его болезни, не обращая внимания на мнение больного. Так как многое зависит от доброй воли самого больного, то пастырь должен добиться желания вылечиться и вызвать доверие к себе. Назначая такому прихожанину послушание, избегают излишней нагрузки в физической и психической сфере. Истерику необходимо запретить практику каких-либо излишних религиозных «подвигов», длинных молитвенных правил, длительных коленопреклонений. Твердость и постоянство духовника в руководстве такими людьми дают положительные результаты. Необходимо пресекать капризы, плаксивость и притворство. Однако люди этого склада, видя, что их ухищрения и игра не действуют на данного священника, легко меняют духовного руководителя. Можно советовать переменить домашнюю обстановку, перейти на другую работу, дабы прекратить конфликт, не дающий возможность проводить в жизнь советы пастыря. Особо бдительно необходимо относиться к пасомым, находящимся в периоде становления, созревания.

Патологические лгуны. Если потребность привлекать к себе внимание и ослеплять других людей блеском своей личности соединяется, с одной стороны, с чрезмерно возбудимой, богатой и незрелой фантазией, а с другой – с более резко, чем у истериков, выраженными моральными дефектами, то мы имеем дело с категорией, характеризующейся как в психиатрии, так и в быту как «лгуны и плуты». Чаще всего это люди, которым нельзя отказать в способностях. Они сообразительны, находчивы, быстро усваивают все новое, владеют даром речи и умеют использовать для своих целей всякое знание и всякую способность, какими только обладают. Они могут казаться широко образованными, даже учеными, обладая только поверхностным запасом сведений, почерпнутых из энциклопедических словарей и популярных брошюр, и умноженных на дюжий запас самоуверенности. Некоторые из них обладают кое-какими художественными и поэтическими наклонностями, пишут стихи, рисуют, занимаются музыкой. Быстро завязывая знакомства, они хорошо приспособляются к людям и легко приобретают их доверие. Они умеют держаться с достоинством, ловки, часто изящны, очень заботятся о своей внешности и о впечатлении, производимом ими на окружающих; нередко

щегольской костюм представляет единственную собственность подобного психопата.

Важно то, что, обладая недурными способностями, эти люди редко обнаруживают подлинный интерес к чему-нибудь, кроме своей личности, и страдают полным отсутствием прилежания и выдержки. Они поверхностны, не могут принудить себя к длительному напряжению, легко отвлекаются, разбрасываются. Их духовные интересы мелки, а работа, которая требует упорства, аккуратности и тщательности, тем самым производит на них отталкивающее действие. Их мышлению не хватает планомерности, порядка и связности, суждениям – зрелости и обстоятельности, а всему их восприятию жизни – глубины и серьезности. Конечно, нельзя ожидать от них и моральной устойчивости: будучи людьми легкомысленными, они не способны к глубоким переживаниям, капризны в своих привязанностях и обыкновенно не завязывают прочных отношений с людьми. Им чуждо чувство долга, и любят они только самих себя.

Самой роковой их особенностью является неспособность держать в узде свое воображение. При их страсти к рисовке, к пусканию пыли в глаза, они совершенно не в состоянии бороться с искушением использовать для этой цели легко у них возникающие, богатые деталями и пышно разукрашенные образы, рожденные фантазией. Отсюда их непреодолимая и часто приносящая им колоссальный вред страсть ко лжи. Лгут они художественно, мастерски, сами увлекаясь своей ложью и почти забывая, что это ложь. Часто они лгут совершенно бессмысленно, без всякого повода, только бы чем-нибудь блеснуть, чем-нибудь поразить воображение собеседника. Чаще всего, конечно, их выдумки касаются их собственной личности: они охотно рассказывают о своем высоком происхождении, своих связях в «сферах», знакомствах со знаменитостями, о значительных должностях, которые они занимали и занимают, о своем колоссальном богатстве. При их богатом воображении им ничего не стоит описать с мельчайшими деталями выдуманную на ходу беседу, со «знаменитым старцем», даже больше – поехать с сомневающимися и показать им в доказательство самого старца, издали благословляющего его как близкого знакомого. При цитировании «сказанного старцем мне лично», они, как правило, невольно начинают верить тому, что сами вложили в уста старца, и даже следовать этому.

Но они не всегда ограничиваются только ложью: лишь часть их лгут наивно и невинно, как дети, подстегиваемые желанием порисоваться все новыми и новыми возникающими в воображении образами. Их самообладание при этом бывает часто поразительным: они лгут так самоуверенно, не смущаясь ничем, так легко вывертываются, даже когда их припирают к стенке, что невольно вызывают восхищение. Многие не унывают и будучи пойманными. Однако, в конце концов, они отличаются все-таки пониженной устойчивостью по отношению к действию «ударов

судьбы»: будучи уличены и не видя уже никакого выхода, они легко приходят в полное отчаяние и тогда совершенно теряют свое достоинство.

Ряд черт роднит психопатов описанного типа с предыдущей группой истериков. Главное отличие в том, что лживость у них заслоняет собой все остальные черты личности. С точки зрения аскетики, патологическая лживость является определенной формой одержимости человека демоническими силами.

Резкая граница отделяет псевдологов от мечтателей, с которыми они имеют лишь одну общую черту – чрезмерную возбудимость воображения: в то время как мечтатель обманывает себя относительно мира, псевдолог обманывает окружающих относительно себя. То, что последний иногда начинает и сам поддаваться своему обману, представляет только побочный эффект, не лежащий в существе основной тенденции его поведения, и это приводит, как правило, к полному внешнему и внутреннему банкротству.

Пастырь должен постараться объяснить такому человеку, что всякая ложь, лукавство – дело погибельное, что отец лжи – диавол, должен вызвать этих людей на определенный уровень открытости, убедив их в том, что быть открытым, искренним неопасно, что только в полноте доверия между людьми можно обрести полноту христианства, благодатную радость духовной жизни.

ГРУППА НЕУСТОЙЧИВЫХ ПСИХОПАТОВ

Этот термин недостаточно точен и разными психиатрами употребляется не в одинаковом объеме. Им обозначают, как правило, слабохарактерных людей, которые легко попадают под влияние среды, особенно, дурной, и, увлекаемые примерами товарищей или нравами, господствующими в их профессиональном окружении (военная среда прежнего времени, литературная богема и пр.), спиваются, делаются картежниками, растратчиками, а то и мелкими мошенниками, для того, чтобы, в конце концов, очутиться «на дне». Большею частью это люди, «не холодные и не горячие», без больших интересов, без глубоких привязанностей, недурные товарищи, часто очень милые собеседники, люди компанейские, скучающие в одиночестве и обыкновенно берущие пример со своих более ярких приятелей. В приходе или монастыре, где систематический труд является общим правилом, они идут в ногу с другими и в принципе оказываются несколько не хуже средних людей, ни в какую сторону не выделяясь ни своим умственным уровнем, ни своими интересами и нравственными качествами. Может быть, время от времени они вызывают неудовольствие настоятеля или старших по послушанию своей беспорядочностью, неаккуратностью, особенно ленью. Над ними, как говорится, надо вечно стоять с палкой, их надо понукать, бранить или ободрять, т.е. они требуют постоянной рефлексии со стороны начальствующих.

Легко вдохновляющиеся, они легко и остывают, далеко не всегда оканчивая начатое ими дело, особенно если их предоставили самим себе. Несчастьями их прошлой, доцерковной жизни могли быть страсть к курению, наркотические средства, особенно вино, под влиянием которого они часто делались неузнаваемыми, как будто кто-то подменил того милого человека, с которым так приятно было иметь дело, когда он был трезв: из доброго, услужливого и уступчивого он делается грубым, дерзким, эгоистичным, даже больше – бессердечным, способным в один день пропить все свое жалованье, на которое семья должна была бы существовать целый месяц, унести из дома и продать последнюю одежду жены и детей и т.д. Протрезвившись, он будет горько раскаиваться в своих поступках, перейдет всякую границу в самообвинениях, но не преминет пожаловаться на случайно сложившиеся обстоятельства, на то, что его, человека с запросами и способностями, «заела среда». Такие люди невольно вызывают сочувствие и желание им помочь, но оказываемое содействие редко идет впрок: стоит на короткое время предоставить такого человека самому себе, как он уже, оказывается, все спустил, все пропил, проиграл в карты, опять попал в какой-то крупный скандал и т.п.

Только в условиях постоянной опеки, в условиях организованной среды, находясь под давлением сурового жизненного уклада или в руках духовника с сильной волей, не спускающего с него глаз, он может существовать благополучно и быть полезным членом общества.

ГРУППА СОЦИАЛЬНЫХ ПСИХОПАТОВ

Существуют психопаты, главной, бросающейся в глаза особенностью которых являются резко выраженные моральные дефекты. Это люди, страдающие частичной эмоциональной тупостью, именно отсутствием социальных эмоций: чувство симпатии к окружающим и сознание долга по отношению к обществу у них обыкновенно полностью отсутствует; у них нет выраженного чувства собственного достоинства, они равнодушны к похвале и порицанию, они не могут приспособиться к правилам общежития. Почти всегда это – субъекты, во-первых, лживые – не из потребности порисоваться и пофантазировать, а исключительно для маскировки инстинктов и намерений, а во-вторых, ленивые и неспособные ни к какому регулярному труду. Искать у них сколько-нибудь выраженных духовных интересов не приходится, зато они отличаются большой любовью к чувственным наслаждениям: сластолюбию, чревоугодию, разврату.

Чаще всего они не просто «холодны», а и жестоки. Грубые и злые, они очень рано, с детства обнаруживают себя сначала своей склонностью к мучительству животных и поразительным отсутствием привязанности к самым близким людям (даже к матери), а затем своим как бы умышленно бесцеремонным нежеланием считаться с самыми минимальными неудобствами окружающих. Они способны из-за пустяка плюнуть матери

в лицо, начать за столом громко браниться матерной бранью, бить окна, посуду, мебель при самой незначительной ссоре, и все это не столько вследствие чрезмерного гневного возбуждения, сколько из желания досадить окружающим.

Иногда они питают тяжелую злобную ненависть и жажду мести по отношению к тем из близких (чаще всего к отцу), которые стремятся держать их в определенных рамках и проявляют по отношению к ним строгость; в таких случаях дело может дойти и до убийства. Стеснение своей свободы они вообще переносят плохо и поэтому, как правило, рано оставляют дом и семью; при отсутствии привязанностей жизнь в домашней обстановке означает для них только ряд несносных ограничений и невозможность развернуть в полной мере свои своеобразные наклонности... Надо сказать, что описываемая психопатия обнимает очень широкую группу лиц во многом различного склада. Кроме основного типа, отличающегося чертами, близкими к эпилептоидам (люди грубые, жестокие и злобные), среди них встречаются и «холодные», бездушные резонеры, родственные шизоидам субъекты, у которых хорошо действующий рассудок всегда наготове для того, чтобы оправдывать, объяснять их «дурные» поступки.

Эти люди, вследствие грубости своей душевной конституции, редко когда доходят до церковных врат, а тем более выходят на уровень доверительного общения со священником. Следует отметить, что труднее всего поддаются лечению именно психопатии. Здесь без помощи пастыря врачу просто не обойтись.

В случае обострения психозов более необходим врач. А вот в случае патологий характера или акцентуации личности – нужен опытный пастырь и хороший, непременно верующий, психотерапевт, не применяющий гипноза, восточных оккультных психотехник и прочих вредных методов современного психотерапевтического воздействия.

ГРУППА КОНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ГЛУПЫХ

Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе; когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, они оказываются совершенно бесплодными. Они умеют себя «держать в обществе», говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности... Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия. С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла, иногда даже без недоразумений работающие в торговле или в администрации. Одной из отличительных черт конституционально-

ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, «общественному мнению» («что станет говорить княгиня Мария Алексеевна!»); это – люди шаблона, банальности, моды, это также люди среды, но не совсем в том смысле, как неустойчивые психопаты: там люди идут за ярким примером этой среды, за «пороком», а здесь, напротив, – за благонаравием. Конституционально ограниченные психопаты всегда консерваторы; из естественного чувства самозащиты они держатся за старое, к которому привыкли и к которому приспособились, и боятся всего нового. Это те «нормальные» люди, о которых некто сказал, что в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности.

К конституционально-глупым надо отнести также и тех, которые отличаются большим самомнением и с высокопарным торжественным видом изрекают не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец – правда, в шаржированном, карикатурном виде – изречения Козьмы Пруткова). Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь обо всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований. В рутине повседневной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди.

* * *

Одной из проблем, стоящих перед пастырем, работающим с людьми душевнобольными или же имеющими те или иные запущенные формы греховности, является проблема духовного двойничества. «Следует заметить, – пишет М.Г.Гальченко в своей курсовой работе «Проблемы оглашения и воцерковления психически нездоровых людей», – что мучительное раздвоение (правда, в иных формах и в иных аспектах) характерно не только для многих эпилептиков, но и для больных шизофренией (само название этого заболевания говорит о болезненном расколе, расщеплении сознания) и, возможно, для некоторых конституциональных психопатов. В известной мере раздвоенность присуща падшему человеческому естеству, но при некоторых заболеваниях она проявляется особенно ярко, в крайних, патологических формах. О раздвоенности, характерной для падшего человека, писал апостол Павел: «Не понимаю, что делаю потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех». Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но

живущий во мне грех» (Рим. 7: 15-20). В период припадков у больных проявляются различные аномалии поведения, они могут совершать откровенно жестокие, греховные поступки при разной степени искаженности сознания от некоторого его сужения до полного его помрачения (что, впрочем, не снимает полностью с больного духовной ответственности за эти поступки), а в период после припадка больные испытывают крайне мучительное, безысходное чувство вины, некоторые из них могут в это время усиленно заниматься аскетическими подвигами или даже самоистязанием. Кажется, что в больном живут как бы два человека – один действует во время припадка, другой – в период между припадками. Следует учитывать, что во время припадка на больного не действуют никакие разумные доводы, нельзя требовать от него немедленного покаяния, настойчиво указывать ему на греховность его поведения, даже если он частично вменяем: это может усилить припадок.

Нельзя применять к нему какие-либо формы духовного насилия и давления, даже самые, казалось бы, мягкие, не следует насильственно осенять его крестным знаменем, кропить святой водой и т.д. Бог ждет только свободного покаяния человека, к которому в момент припадка больной не способен. Можно попытаться только успокоить больного, убедить принять лекарство, и то очень осторожно. Конечно, всегда можно и должно молиться за больного, но делать это лучше втайне от него. В период острых психозов больного должен лечить психиатр. Роль священника имеет особенно важное значение в период между припадками. Нужно помочь человеку найти глубину покаяния, восстановить правильное духовное ощущение жизни, правильное отношение к своему греху и к своему бессмертному человеческому достоинству, которое подвергается таким драматическим испытаниям у больных, когда «двойничество» выражено максимально. Особенно важно, чтобы чувство вины не «раздавило» человека, чтобы он не впал в отчаяние и уныние. Наиболее ответственным является этап установления «духовного диагноза», который заключается в определении духовного уровня человека, выяснении скрытого в глубине его души отношения к Богу и ко греху, а также его способности сопротивляться силе греха. По мнению Д.Е.Мелехова, здесь необходима компетентность опытного духовника.

Что касается заболевания шизофренией, то здесь иногда наблюдается глубокое разрушение целостности человеческого «я», когда в человеке как бы живут и действуют две или даже несколько совершенно разных и несовместимых личностей, каждая из которых «не знает» о поступках и мыслях другой. Понятно, что в таких случаях в значительной степени разрушено ответственное личностное самосознание, крайне затруднено свободное самоопределение человека, в том числе и по отношению к Богу. Даже в более легких случаях шизофрении личностному ответственному самосознанию в известной степени препятствует характерный для

шизофреника разрыв связей с окружающим миром, замкнутость в своем собственном мире, ведь самоопределение возможно лишь по отношению к реально значимому другому и другим. Когда нарушается контакт с другим человеком как личностью, утрачивается и цельность собственного «я», оно диссоциируется, превращаясь в хаос мыслей и переживаний, в «поток сознания». Субъективный образ «я» у шизофреника может очень сильно не соответствовать его эмпирическому «я», воспринимаемому другими людьми, что может стать источником серьезных конфликтов больного с окружающим миром и с самим собой. Замкнутому в своем собственном мире шизофренику очень трудно открыться Богу и другим людям, повернуться к ним навстречу, личностная встреча с другим может его сильно пугать.

Ф.М.Достоевский писал, что раздвоенность «свойственна человеческой природе вообще», но он видел и возможности ее восстановления и искупления, прежде всего через подлинное творчество в Духе: «Человек может, конечно, век двоиться и, конечно, будет при этом страдать... надо найти в себе исход в какой-то деятельности, способной дать пищу духу, утолить жажду его... Я имею у себя всегда готовую писательскую деятельность. Конечно, творчество возможно не только в области искусства, но и в любой сфере человеческой духовной и душевной жизни».

Совместная жизнь с человеком, имеющим раздвоенное сознание (крайняя форма такого раздвоения – шизофрения) является довольно мучительным испытанием. Окружающие его люди верят ему, данным им обещаниям, клятвам, обетам, совершенно не подозревая, что имеют дело только с «хорошей половиной» человека. Человек с раздвоенным сознанием, как правило, «устаёт» жить только хорошей половиной, его «плохое «я» выходит наружу, как только он понимает, что быть «хорошим» означает обрекать себя на определенные неудобства и страдания. Давно знакомого, горячо любимого человека «будто подменили», еще вчера добрый, открытый, искренний и приятный, он становится замкнутым, обидчивым, холодным и озлобленным, совершенно перечеркивая все теплое и светлое, что, возможно, долгое время объединяло его с другими, близкими ему людьми. Не исключена возможность разрыва в таком состоянии даже с духовным отцом.

Духовник совершает ошибку, если больного человека в этом состоянии начинает убеждать, напоминать, объяснять ему то, что ему теоретически и так известно. Эти действия малоэффективны, бессмысленны, даже способны вызвать озлобление.

Благодарнее оставить больного в покое, занять выжидательную позицию, дать возможность «хорошему человеку», придавленному в эти периоды грузом «отрицательного «я» (безусловно, не без помощи демонических сил) победить, преодолеть искушение с помощью Божией.

Единственная реальная помощь больному в этих ситуациях – горячая молитва о нем.

* * *

Наконец, нельзя не упомянуть здесь также и об отношениях, существующих между психопатией, творчеством и гениальностью (или высокой одаренностью). Творческие способности человека являются одним из свойств богоподобия, человек должен реализоваться в земной жизни как со-творец Богу Творцу. Однако творческие способности человека повреждены грехопадением первых людей и только просвещенные благодатию способны к подлинному творчеству, вершина которого – претворение всего тричастного существа человека в Храм Бога Живого. Всякое творчество (литературное, художественное, музыкальное) может считаться подлинным только в том случае, если оно является не проекцией субъективного страстного «я» на окружающий мир, а отражением реалий мира Богозданного. В связи с этим вспоминаются афористично краткие стихотворные строки, обращенные к творческим личностям:

Так будь же зеркалом у Бога
И, очищаясь, отражай,
Иначе красоту не трогай,
Не создавай – не искажай...

Общепризнанно, что те или другие психопатические особенности присущи почти всем «нормальным» людям. Как правило, чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Немудрено, что среди людей высокоодаренных, с богато развитой эмоциональной жизнью и легко возбудимой фантазией, количество несомненных психопатов оказывается довольно значительным. Принято считать, что в создании гениального произведения принимают участие два фактора: среда (эпоха) и творческая личность. Дерзнем утверждать, что существует еще один фактор, и он является решающим: психопатические личности именно в силу своей чуткости более, чем так называемые нормальные люди, открыты воздействию бесплотных духов, демонических сил, которые могут довести через постоянные вливания очередной порции «вдохновения» до полного сумасшествия вверившегося им человека.

На внехристианской культуре лежит отпечаток как личности человека, так и дыхания демонического духа (вспомним историю написания Моцартом «Маленькой ночной серенады»). Однако в современном мире, который со все большим ускорением совершает движение от разума и гармонии к абсурду и хаосу, те или иные произведения искусства могут иметь определенное педагогическое значение. Нужно только иметь в виду, что искусство – это то, что не перейдет с человеком за грань вечного, что в окружающем нас мире

действуют духи злобы поднебесной, желающие погубить человека, ведущие с ним мысленную брань. Творческий человек становится тем инструментом, на котором они, как правило, и играют мелодии. Повторяясь в веках, они могут веками вводить людей в подобное состояние, отчуждающее от Христа. Поэтому необходимо прежде всего определить, откуда приходит вдохновение. Классический риторический вопрос всех времен должен обрести конкретный ответ.

Определить природу творческого духа по видимости довольно несложно: мешает ли состояние вдохновения молитве, покаянию, жизни духовной или нет.

Соотношение духовного проявления (в аскетическом понимании) и психической аномалии в творчестве в чем-то сродни такому же отношению в жизни религиозной. Задачей пастыря, встретившего на своем пути религиозно одаренную, неординарную личность, является прежде всего очень деликатное, осторожное отношение к ней. Ни в коем случае нельзя ломать этих людей «под себя», но бережно вести их на гору Богопознания, на пути к вершине которой все наносное, внешнее, нечистое отпадет само собой по мере приближения к Свету Христову, а талант, подлинный дар Божий, нуждающийся в приумножении, под благодатными лучами процветет сам собой при мудром и внимательном отношении к нему виноградаря-духовника.

Впрочем, это повод для отдельного разговора.

* * *

Следует сказать о еще некоторых вопросах, встречающихся в пастырской практике.

Нередко священнику приходится разрешать сложнейшую ситуацию: его духовное чадо ходит в храм, постится, живет церковной жизнью вопреки воле неверующих родителей. Ситуация может приобрести крайне конфликтный характер в случаях, когда ребенок (разумеется, не столько по возрасту, сколько по своему положению относительно родителей, отказывающих ему в праве быть самостоятельной личностью) попросит благословения на монашество. Духовник может поступить двояко, в зависимости от того, что увидит он в этом человеке: преждевременную юношескую горячность, основанную на романтизме и мечтательности, или же подлинный зов Божий, подобный тому, который обратил Христос к некоему юноше во времена Своей земной жизни. Если духовник все же даст благословение на монашеский путь, то горячо любящие родители могут не остановиться ни перед чем, лишь бы вырвать из-под «пагубного влияния» свое дитя... И благо, если их порывы основаны только на благоразумном опасении непонятого для них выбора.

Как вести себя в такой ситуации духовнику? Существует ли разграничение чисто человеческой любви (особенно если речь идет о любви материнской), психиатрического рецидива и демонического действия в подобных ситуациях?

Для уяснения одного из возможных вариантов подобной ситуации обратимся к интереснейшим наблюдениям современных психологов:

«...Чувствуя себя заброшенными, многие современные женщины пытаются найти утешение в ребенке, особенно если это мальчик. Он становится для матери единственной опорой, собеседником, другом, психологически занимая место отдалившегося или бросившего ее мужа. Но ребенка нельзя назначить на роль взрослого мужчины, это ему не под силу. Перегруженная психика может надорваться, и, надорвавшись, исказиться. Мужчины, состоявшие в детстве в «психологическом браке» с матерью, часто так и не вступают в брак реальный, следовательно, у них может вообще никто не родиться. Ослепленные и подавленные матерью, они не находят достойную пару. Если же мать спровоцирует женитьбу, то непременно подберет невесту сама, подберет ту, которой в дальнейшем будет отведена роль служанки. Место жены в такой семье мать не уступит ни за что...

Любой лидер, любой авторитетный для сына взрослый, будь то учитель или любимый тренер (в нашем случае духовник – *и. Е.*), становится помехой на ее пути, предметом ревности и ненависти. Самые жестокие, самые безумные выпады и поступки по отношению к «сопернику» в глазах окружающих могут оправдываться безупречно-правильными словами о «материнской любви и заботе о сыне, попавшем под влияние...». На самом же деле, мы имеем дело с особым случаем психической патологии у женщины. Если же процесс «борьбы за сына» начинается в период физиологической перестройки женского организма, то даже осознавшей свою болезненность женщине взять себя в руки удастся чрезвычайно редко.

Возможно, женщина попытается трезво проанализировать и дать самой себе честный ответ на вопрос, что же с ней происходит и какова мотивация ее поступков. В таком случае она должна временно психологически дистанцироваться для того, чтобы утерянное подлинное материнское чувство, уважение свободы личности ребенка вытеснило нездоровую психологическую привязанность...

Как ведут себя юноши, оказавшиеся в подобном «сладком» материнском плену? Более слабые, меланхолически ориентированные, вступают в навязанную матерью игру, полностью подавляются личностью матери, погружаются в мир женских переживаний и забот, как правило, вырастают кандидатами в гомосексуалисты. Их сознание, психика, здоровая и необходимая для жизни сексуальность, начинает медленно разрушаться. Со временем эти отношения могут перерасти в скрытый садизм со стороны сына, который вряд ли украсит его будущее отцовство.

Более волевые натуры, как правило, понимают, что здесь не просто материнская любовь, а жесткий диктат и еще что-то другое... Интуитивно почувствовав подмену, они, так сказать, переворачивают уставленный материнскими заботами сытный стол нездоровой опеки и привязанности,

замыкаются в себе и со временем совершают самостоятельный выбор жизненного пути. Это самая верная и здоровая реакция со стороны ребенка. Всякая дальнейшая опека, всякое ухаживание только усугубит его раздражительность, которая со временем перерастет в открытую ненависть.

Ответственность за искалеченную психику ребенка и в том и в другом случае исключительно возлагается на взрослого, то есть на мать»...

Мы привели столь обширную цитату, поскольку проблема непосредственно касается не столько общепастырской практики, сколько патологических случаев, в которых необходим как традиционный подход, так и психиатрический ракурс. В этом наблюдении, как нам представляется, раскрыта одна из сторон сложных современных внутрисемейных конфликтов.

Женщина, добивающаяся душевной близости с сыном любой ценой, может дойти до самого неприличного унижения его, вплоть до насильственного помещения в психиатрическую больницу. У таких матерей чрезвычайно развита построенная на страстности и твердости характера способность убеждать. Она легко находит союзников и сородников в своей «борьбе» среди самых разных людей.

Не у каждой женщины в сложившейся ситуации хватит мужества согласиться с правдивым взглядом на причину происходящего. Пастырь может постараться в доверительной беседе объяснить матери (если в этом состоянии она способна хоть что-то, кроме своей боли, расслышать), что подлинная любовь ищет только блага любимого в том виде, в котором он себе это благо представляет, желает блага, а не обладания, не душит в своих объятиях, Апостол Павел говорит еще лучше: «подлинная любовь не ищет своего» (Римл. гл.13), т.е. своего блага, своего счастья за счет подавления любимого человека, кем бы он ни был. Ребенок – отдельная личность, он не составная часть родителя. Матери иногда особенно трудно смириться с этим, матери авторитарного склада характера вдвойне, ибо «мой ребенок, что хочу, то и делаю, и не важно, сколько ему лет, 12, 23 или 37».

Если свой жизненный выбор совершеннолетний ребенок делает свободно и самостоятельного, то у матери нет оснований шантажировать его тем, что он ее «не любит», что «кто-то» для него дороже...

* * *

У многих психиатров существует серьезная проблема с «отзеркаливанием» личности своего больного в собственной личности, не исключено это и в жизни пастырской, причем в последнем случае это вплотную касается не только людей психически больных, но и самых различных типов грешников. Приятие своего собеседника разумной и эмоциональной частью своей личности является условием нормальной коммуникации. Человек, настроенный на доброе и глубокое общение,

открыт для своего собеседника. Иногда он даже «подыгрывает» собеседнику, и не потому, что лукавит перед ним, вовсе нет, а желая, чтобы под влиянием его понимания и участия собеседник еще больше раскрылся в общении, более подробно рассказал о себе, своих трудностях и переживаниях. Такая открытость является неперенным фактором понимания личности человека.

Врач-психотерапевт может сам нуждаться в человеке, который поможет ему «разгрузиться», «выйти из своего собеседника». Как правило, этим разгрузчиком становится непрактикующий коллега... Вообще, мир эмоциональных состояний – вещь центростремительная. Особо эмоциональные артисты приходили к врачам-психиатрам с просьбой помочь «выйти из роли». Многие, даже опытные психотерапевты, иногда не могут «выйти из своего пациента».

Открытость является неперенным условием также и пастырского душепопечения. Духом Святым, помимо глубокого проникновения, личность собеседника открывается только духоносным старцам, которые сразу, без общения, с порога могли сказать пришедшему, что ему нужно делать, как жить дальше, что в своей жизни необходимо исправить. Обычным же, рядовым духовникам отводится тяжелый, изматывающий труд выслушивания исповедей, состояний, падений греховных.

Как же преодолевать духовнику подобные состояния? Как сохранить себя пастырю, которому необходимо ежедневно соприкасаться, вникать в огромное количество человеческих проблем, в том числе имеющих характер душевных болезней?

Во-первых, каждый духовник, рано или поздно сталкивающийся с этими проблемами, должен испросить совета по этому поводу у своего духовника. В жизни более опытных священников старшего поколения существуют некоторые неформулируемые, неуловимые рациональным языком методы пастырского окормления, которым можно научиться исключительно по преемству опыта, находясь рядом, наблюдая за их отношениями с теми или иными прихожанами.

Во-вторых, выслушивая людей, особенно душевнобольных, не следует увлекаться, не следует «влезать в их шкуру», нужно в это время максимально настроиться на то, чтобы жить в самом себе, «жить под кожей», по меткому выражению митр. Антония Сурожского.

В-третьих, (а по значению этого пункта, во-первых) духовнику необходимо медленно, вдумчиво повторять молитву Иисусову, пребывание в которой защитит и сохранит пастыря от нежелательного воздействия.

* * *

Еще об одной проблеме хотелось бы сказать в заключение. Благодаря бурному развитию различных парапсихологических школ, у многих людей бытует мнение о существовании так называемого «энергетического вампиризма», о наличии доноров и акцепторов душевной энергии,

последние из которых «опустошают, обескровливают» первых, из-за чего они чувствуют вялость, слабость, отсутствие душевных сил для решения жизненных задач. Реально ли все это с точки зрения Православия? Думается, что в какой-то мере реально.

Закон сохранения энергии приложим к душевной жизни человека так же, как и ко всем другим процессам окружающего нас мира. Душевные силы человека невозможно «откачать» воровским, «комариным» методом, помимо сознания самого «донора». Однако, как правило, психически неустойчивые люди, найдя более устойчивого, более волевого или просто «теплого» человека, цепляются за него, и посредством постоянного акцентирования внимания на себе и на своих проблемах, постоянной попытки вторжения в его душевный мир, попытки, доходящей в своих притязаниях вплоть до разрушения «донора», умелой спекуляции на уделяемом внимании и, зачастую, при полном нежелании работать над собой, в действительности и становятся настоящими «вампирами». Если же «донором» оказывается духовник, то можно только поскорбеть о его незавидном положении. А ведь духовников окружают десятки духовных чад и просто людей с такими душевными наклонностями.

Интересные мысли по этому поводу встретились нам недавно в замечательной работе доктора психологических наук Т.А.Флоренской. Говоря о психологической помощи, она пишет о нередком в практике психологов проявлении со стороны больных «стремления к личным дружеским взаимоотношениям с психологом, ожидании от этих отношений удовлетворения своих неудовлетворенных потребностей в любви и признании. Случись это, психолог станет объектом требований, недовольств и обид, вымещааемых на нем отрицательных переживаний. Но главная беда не в этом, а в бесплодности такого рода отношений: пока человек ждет любви и внимания от других, живет этим, он никогда не удовлетворится, будет требовать все большего, и все ему будет мало. В конце концов он окажется у разбитого корыта, как та старуха, которая захотела, чтоб служила ей рыбка золотая. Такой человек всегда внутренне несвободен, зависим от того, как к нему относятся.

Пока человек только берет, ничего хорошего не получается. Рано или поздно он обанкротится. Фигурально выражаясь, чтобы росла прибыль от получаемого, его надо отдавать другим. Этот свой источник любви и добра нужно открыть в себе самом. И открытие должно совершиться не в уме, а в сердце человека, не теоретически, а внутренним опытом. Поэтому было бы неверно сказать такому человеку: «Эффект нашего общения так недолог, потому что вы больше думаете о себе, чем о других». Он примет это к сведению или займется самобичеванием. Подождем, когда он придет радостным и скажет: «Теперь я понял... Теперь я живу!» Это может произойти нескоро, так как такие люди больше живут умом, а не сердцем. А для начала сердце надо смягчить и отогреть, помочь человеку поверить

в себя, чтобы, наконец, он узнал простую вещь: не только он нуждается в людях, но и люди нуждаются в нем».

Этим советом, касающимся подопечных психолога, можно с полным основанием воспользоваться и пастырю, более того – как ключиком к подобной непростой ситуации. Ведь то, с чем неверующие люди приходят к психологу, психиатру, психотерапевту, верующие идут к батюшке. И как до боли жалко становится, если молодой пастырь, вчерашний семинарист, не может из такой ситуации найти правильный выход.

Что же ему делать, если рядом с ним окажутся такие люди, которые со временем займут себе место в приходе или монастыре? Рано или поздно у духовника могут иссякнуть человеческие силы для окормления таких людей. Душевные силы человека ограничены и порой их иссякновение может обнаружиться совсем внезапно, на самом, казалось бы, жизненном подъеме.

Обогрев, поддержав такого человека, на каком-то этапе духовник должен сказать ему: «Вот теперь ты должен учиться идти дальше самостоятельно. Если тебе будет тяжело, трудно, если искушение твоей болезни окажется тебе вновь не по силам, то приходи, я поддержу тебя, А так, по мелочам, старайся меня не отвлекать. И все это я говорю тебе не потому, что я тебя не люблю, или по какой-либо другой причине, а потому, что хочу, чтобы ты начинал духовно расти и сам учился справляться со своими искушениями и трудностями». Возможно, эти слова покажутся жестокими, возможно, пасомый увидит здесь чьи-то козни: безусловно, «висеть» на батюшке гораздо легче, чем самому преодолевать груз психической неуравновешенности. Но именно таким может быть правильный итог отношений пастыря с психически больным духовным чадом.

* * *

В нашей небольшой работе мы попытались сделать робкую попытку состыковки психиатрического и пастырского взгляда на человека и его душевные болезни, но более отталкиваясь от первого, ввиду того, что именно эта сторона разработана недостаточно глубоко. Психиатрам, психотерапевтам, заинтересовавшимся христианской концепцией личности и традиционным для России духовническим методом работы с душевнобольными, можно предложить регулярно и со вниманием изучать святоотеческую литературу как древних, так и современных русских святых и духоносных старцев. Удивительными книгами по православной психотерапии могут стать «Лествица» преп. Иоанна игумена Синайской горы, «Невидимая Брань» преп. Никодима Святогорца; «Поучения Аввы Дорофея», замечательные творения св. Феофана Затворника: «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» и др. сочинения св. Игнатия Брянчанинова; книги архимандрита Софрония (Сахарова): «Старец Силуан», «О молитве», «Видеть Бога как Он есть»,

книги и проповеди митрополита Антония Сурожского и др. В качестве книги современного автора, довольно кратко и грамотно раскрывающего поднимаемые нами вопросы с точки зрения святоотеческой психотерапии, можно порекомендовать недавно вышедшую книгу В.Невяровича «Терапия Души. Святоотеческая психотерапия» (Воронеж, 1997).

Знания из области психиатрии и психологии человека позволят пастырю легче разбираться в душевных переживаниях своих пасомых и точнее определить их духовные проблемы. Знакомство пастыря с научными данными и методами поможет ему быть более осторожным в своих нравственных оценках и выводах, дабы избежать ложных шагов, неверных советов в трудных и сомнительных случаях. В этом кратком очерке невозможны никакие обобщения, да и сама жизнь не терпит обобщений и схематизма. В каждом отдельном случае душепопечения пастырь должен поступать с особой осторожностью, проникнувшись духом сострадания и жалости, внимания и внутреннего такта. Будем рады, если сказанное нами поможет увидеть собственные погрешности, приложить усилие к исправлению допущенных ошибок.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что этой небольшой работой мы не делаем открытия ни в области психиатрии, ни в пастырском душепопечении, это лишь сообщение, в котором мы попытались поделиться опытом решения проблем достаточно сложной работы священника с душевнобольными или имеющими определенные характерологические особенности людьми.

ЛИТЕРАТУРА

- Архиепископ Иоанн Шаховской. Философия православного пастырства. М., 1995.*
- Архимандрит Киприан Керн. Православное Пастырское Служение. «Сатис», 1996.*
- Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М., 1964 (цит. по «Курс практической психологии...», авт. Гиляровский В.А. Психиатрия, М., 1931).*
- Медведева И., Шишова Т. «Новое время – новые дети? Записки психологов». // «Москва», 1996.*
- Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. М., 1997.*
- Р.Р.Кашанов, Ижевск, 1996.*
- Настольная книга священнослужителя, т.8, М., 1988.*
- Прот. Владимир Воробьев. Покаяние, исповедь, духовное руководство. 1997.*
- Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978.*
- Флоренская Т.А. «Власть женщины в семье». // «Радонеж» № 11, 1997.*